

Турцию, а часть его оставляли для персидского производства, шелк же из Мазандерана и Астрабада редко вывозился. Из Ширвана шелк шел для нужд Ирана и России. Итак, мы можем заключить, что обе страны, а именно Россия и Иран были богаты природными ресурсами, но неразвиты в производственной сфере. Они обе находились в зависимости от импорта готовой продукции из Голландии, Британии и других европейских государств.

Таким образом, мы не ставили задачу целостного анализа системы торговли в России в XVIII веке. Наша цель состояла в рассмотрении всей системы восточной и западной торговли вышеупомянутых государств глазами британского купца. Несомненно, что в каждой его заметке сквозит намек на важность и значимость британского сотрудничества и британского импорта как для России, так и для Ирана. Джонас Ханвей очень внимательно просчитал составляющие импорта и экспорта, чтобы просчитать и долю англичан в общей системе и оправдать попытки последних наладить транзит с Ираном через Россию. Слова нашего путешественника не лишены тенденциозности, но не в его силах было обеспечить успех развития транзитной торговли, который был уже подорван деятельностью Дж. Эльтона.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Куканова Н.Г. Торгово-экономические отношения Ирана и России в период позднего феодализма. Саратов, 1993.
2. Юнусова Л.И. Торговая экспансия Англии в бассейне Каспия в первой половине XVIII в. Баку, 1988.
3. Ганве Джонас// Энциклопедический словарь./Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Т.8. СПб., 1892.
4. Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. New York, 1958
5. Cross A.G. By the Banks of the Neva, Cambridge, 1997
6. Encyclopedia Britannica. V.XI, 1989.
7. Hanway J. An Historical Account of the British trade over the Caspian Sea with the Author's Journal of Travel from England through Russia into Persia, Germany and Holland. To which are added the Revolutions of Persia during the Present Century, with the Particular History of the Great Usurper Nadir Kouli. London, 1754.
8. Pugh J. Remarkable Occurrences in the Life of J. Hanway. London, 1788
9. Reading D.K. The Anglo-Russian Commercial Treaty of 1734. New Haven, 1938.

УДК 94 (17)

Бер-Глинка А.И.

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ПОТОКОВ НЕМЕЦКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В РОССИЮ ВО 2 ПОЛ. XVIII–1 ПОЛ. XIX ВВ. (на примере рода Бер)*

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы социальной адаптации потомков немецких бюргеров в Российской империи во 2 пол. XVIII – 1 пол. XIX вв. В качестве примера рассмотрена социальная адаптация потомков бюргерского рода Бер, происходящего из Риги. В статье определены основные этапы социальной адаптации рода, проанализированы причины ее успеха и основные тенденции. Рассмотрен переход членов рода от купеческой деятельности к государственной службе, получение дворянского достоинства, изменение социального сословного статуса рода. Проанализированы общеисторические, социальные, экономические, юридические, образовательные аспекты процесса. При написании статьи были широко использованы архивные материалы России и стран бывшего СССР (РГАДА, ЦГИАУ, РГИА, РГВИА и ряда региональных архивов).

Ключевые слова: социальная адаптация, российские немцы, иммигранты, переселенцы, буржуазия XIX в, дворянство, купечество, почетные граждане, этническая психология, общественные связи, российское законодательство.

A. Ber-Glinka
SOCIAL ADAPTATION OF GERMAN
IMMIGRANT'S DESCENDANTS IN RUSSIA IN 2ND
HALF XVIII – 1ST HALF XIX CC.

Abstract. This article is dedicated to the research of the problem of German burgers social adaptation in Russian Empire in 2 half of XVIII – 1 half XIX cc. The social adaptation of *Bðhr* Riga's burger's clan was taken as an example. The article uncovered the key stages of the social adaptation of the clan, gave an analysis of the reasons of the adaptation success and of key adaptation trends. The clan members' transition from the merchantry to the civil service, the nobility obtaining, clan social status changing was regarded in this article. There were analyzed historical, social, economic, juridical, educational aspects of this process there. The author of the article

* © Бер-Глинка А.И.

widely used archive funds of Russia and former USSR republics (RGADA, CGIA Ukraine, RGIA, RGVIA and of the number of regional archives).

Key words: social adaptation, Russian German, immigrants, XIX-century bourgeoisie, nobility, merchantry, senior citizens, ethno psychology, social binds, Russian legacy.

С точки зрения современной социальной психологии, социальная адаптация человека есть процесс взаимодействия личности с малой группой людей, процесс вхождения в малую группу, усвоение им сложившихся норм, отношений, занятие определенного места в структуре отношений между ее членами [Гриценко В.В. 2002, 46]. При этом адаптация человека к иной экономической, общественной, культурной среде вообще и адаптация немецких переселенцев в России в XVIII – XIX вв., в частности, представляет собой сложный и многоэтапный процесс, в котором можно условно выделить несколько *аспектов*.

Первый аспект – социально-экономический, включающий в себя:

- интеграцию индивидуума в существующие на новом месте экономические реалии и связанные с ними партнерские, конкурентные, служебные, отношения и отношения соподчинения;
- интеграцию индивидуума в существующую социальную структуру, то есть: обретение семьи, построение семейных и соседских отношений, рождение детей;
- участие в местных системах неэкономического характера, таких, как местное самоуправление, военная служба;
- построение служебной карьеры и повышение эффективности хозяйствования;
- забота об образовании детей, а также другие элементы.

Второй аспект – социально-юридический, включающий в себя:

- официальное закрепление полученного de-facto общественного и имущественного статуса, юридическое закрепление в социальной (сословной) группе с получением присущих группе обязанностей и привилегий.
- получение общественных званий, чинов, наград, привилегий.

Третий аспект – социально-психологический, включающий в себя:

- преодоление чувства разрыва со своей средой, семьей, родными; лишения статуса, собственности;
- преодоление напряжения, к которому приводят усилия, требуемые для достижения необходимой психологической адаптации;
- преодоление чувства отверженности

представителями новой культуры как «чужого» или отвержения их;

- преодоление возможной тревоги и даже отвращения, появляющихся в результате осознания разницы культурных ценностей, а также другие элементы.

Четвертый аспект – культурный, включающий в себя адаптацию человека к религиозным, бытовым, нравственным и собственно культурным реалиям в самом широком смысле [Furnham, Bochner 1986, 46; Oberg K. 1960, 48].

Все эти аспекты взаимосвязаны и происходят синхронно и диахронно, при этом на каждом этапе индивидуум имеет выбор – несколько вариантов дальнейшего взаимодействия с окружающей социальной средой.

В среде российских немцев XVIII-XIX вв. принято выделять три разных по социально-экономическому и юридическому положению *группы*: 1) крестьяне-колонисты; 2) «городские немцы», или горожане (купцы и мещане); 3) «чиновники» (в эту группу входили дворяне и чиновники-горожане, не имеющие дворянского звания). Первая группа переносила в Россию собственную социальную и культурную среду, вторая стремилась ассимилироваться принимающей средой, при этом сохраняя черты этнической и культурной индивидуальности, а третья стремилась к полной ассимиляции. Род Бер попал в момент своего переселения в Россию в сер. XVIII в. в группу «городских немцев», но в начале XIX в. переместился в группу чиновников. *Причиной* его миграции можно считать недостаточные возможности на родине для успешной реализации предпринимательского таланта.

Российский дворянский род Бер ведет происхождение от семьи немецких булочников евангелико-лютеранского вероисповедания, проживавших в Риге. Главой семейства был Георг Зигмунд Бэр (Georg Siegmund Behr), о котором известно, что в 1720 г. он вступил в братство булочников Малой Гильдии Риги (или Гильдии святого Иоганна), объединявшей ремесленников различных специальностей [Brunstermann F. 1902, 201, 272].

В семье Г.-З. Бэра и его супруги Анны Катарини Шрёдер (состояли в браке с 1715 г.) родилось тринадцать детей, из которых лишь старший сын, Давид, унаследовал дело отца [ИАЛ. Метрические книги]. Очевидно, профессиональная конкуренция в то время была очень высокой и могла обеспечить работу лишь одному-двум наследникам отцовского ремесла. Остальные сыновья были вынуждены искать другое занятие и место жительства.

Иоахим Михаэль Бэр, крещенный 3 октября 1735 г. [ИАЛ, ф. 1427, Арр. 1, L. 2, с. 450], двенадцать-

тый ребенок в семье, избрал занятием внешнюю торговлю. Он ввозил в Ригу из городов левобережной Украины хлеб и табак. Оставаясь рижским гражданином, он большую часть времени проводил в разъездах по торговым делам, обзавелся партнерами и друзьями в городах Полтава и Ромны.

Жизнь Михаила Бера [именно так он имел себя во всех официальных документах в России – А.Б.-Г.] изменилась после манифеста Екатерины II о разрешении немцам селиться в России (1762), который давал немецким переселенцам при обустройстве значительные налоговые льготы и привилегии. М. Бер переселился в местечко Ромны под Полтавой на постоянное жительство, продолжив вести торговлю хлебом и табаком [ЦДИАК, Ф. 801]. С этого момента можно отсчитывать начало социальной адаптации рода в России. М. Бер приобрел дом в Ромнах, принял православие под именем Михаила Георгиевича и женился на дочери местного купца Евдокии, которая родила ему троих сыновей: Ивана (в 1763), Степана (в 1767) и Петра (в 1772) [ЦДИАК. Ф. 204. Оп.5. Д. 7068. Л. 4 об].

В ноябре 1781 г. был издан манифест о проведении малороссийской переписи. Этот документ транслировал на Украину сословные нормы России и фактически утверждал в Малороссии гильдейское купечество, уже введенное на остальной территории страны в 1775 г. Причисление к гильдии давало гарантии при организации и ведении бизнеса, и М.Г. Бер поспешил воспользоваться новой правовой нормой. В 1782 г. он причислился к гильдейскому купечеству города Ромны, получив статус купца второй гильдии [ЦДИАК. Ф. 1755. Оп. 1. Д. 221. Л. 220-221. 281]. После опубликования 21 апреля 1785 г. Жалованной грамоты городам, предоставившей городам самоуправление, М.Г. Бер возглавил первую городскую думу и сохранял эту выборную должность за собой десять лет, а впоследствии передал ее сыну Степану, который возглавлял роменскую городскую думу с небольшими перерывами до 1821 г. [Курилов И.А. 1897, 109].

Город Ромны, где поселились Беры, являлся местным коммерческим центром и нуждался в образованных и предприимчивых управленцах, потому как нельзя лучше подходил в качестве стартовой ступеньки для карьерного роста семьи купцов – выходцев из немцев Прибалтики.

Можно выделить две основные *причины успешной социальной адаптации* рода Бер на рубеже XVIII-XIX вв. Первая – описанный М. Вебером эффект большей трудовой активности переселенцев: «Можно считать установленным, что самый факт переезда на работу в другую страну является одним из наиболее мощных средств

повышения производительности труда... «Воспитующим» здесь является самый факт работы в новых условиях, и именно он разрушает традиционализм» [Вебер М. 1990 ч. I, прим. 19]. Второй же причиной можно считать высокий уровень образования. М.Г. Бер дал детям превосходное образование. Его старший сын Иван написал в 17 лет во вступительной анкете в Московский генеральный сухопутный госпиталь, что он, «обучаясь коштом отца своего», «по-русски, по-немецки, по-французски читать и писать знает, а по-латине несколько читать и писать умеет» [ГАТО. Ф. 39 Оп. 2. Д. 235. Л. 28.]. Второй сын, Степан, в 16-летнем возрасте уже преподавал в Роменской гимназии мальчикам начальных классов письмо и арифметику [ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 27а. С 2 (14)].

Стремление дать детям, прежде всего, сыновьям лучшее образование будет отличать род Беров и в дальнейшем. Из 71 члена рода, родившегося до 1917 г., сохранилась информация об образовании 29 человек, из них 27 мужчин и 2 женщины. Из 27 мужчин 26 получили начальное образование вне дома (24 окончили различные гимназии, один – Царскосельский Александровский лицей, один – Пажеский корпус); 25 – высшее образование, 2 – средне-специальное образование. Среди окончивших высшие учебные заведения преобладали учившиеся в Московском (8 человек) и Санкт-Петербургском (8 человек) университетах; Николаевском военном училище (3 человека), Казанском университете (2 человека), Санкт-Петербургской консерватории (2 человека). Среди общеобразовательных гражданских направлений образования преимущество отдавалось юридическим (10 человек) и медицинским (5 человек) отделениям и факультетам в различных университетах.

Судьбы сыновей родоначальника русской ветви сложились неодинаково. Старший сын, Иван, не пошел по стопам отца. Он уехал из Ромен в юности, поступил на государственную службу, отличившись на которой в 1817 г., заслужил дворянское достоинство. Второй сын, Степан унаследовал отцовский бизнес в Ромнах. Потомки обоих выбрали чиновничье поприще или научную (медицинскую) деятельность. Ни один из сыновей Степана не смог или не захотел продолжить и развивать отцовский бизнес, и лишь один остался купцом, переехав в более крупный город. Третий сын, Петр, переехал в Москву, где более тридцати лет, в 1805-1837 гг., исполнял должность аптекаря Шереметьевского Странноприимного дома. С достижения мужчинами III поколения рода, живущего в новой среде, 20-летнего возраста и с началом их самостоятельной трудовой деятельности можно отсчитывать **новый этап социальной адаптации** рода в

России – его перехода в чиновничью среду. Начало этого этапа приходится на 1810-1820-е гг. Однако основа для такого перехода была заложена изменениями в жизненном пути старшего сына Михаила – Ивана Михайловича, произошедшими в самом конце XVIII в.

Иван Михайлович, родившийся в 1763 г., в 17 лет поступил в Московский Генеральный Сухопутный Госпиталь – первое высшее медицинское учебное заведение России, основанное в 1707 г. Проучившись в госпитале четыре года «волонтером на своем коште», Иван успешно сдал выпускные экзамены, и в 1787 г. получил звание лекаря [РГАДА. Ф. 344. Оп. 1. Ч. 4. Кн. 357. Д. 17. С. 156]. Следующие двенадцать лет он «управлял вольную лекарскую практику» в Каширском уезде Тульской губернии, однако уже в 1800 г. резко поменял свою жизнь, решив поступить на государственную службу и став городским врачом Каширы на казенном содержании [ГАТО. Ф. 39 Оп. 2. Д. 235. Л. 22 об.]. Через два года по своему вступлению в должность И.М. Беру пришлось столкнуться с эпидемией черной оспы, разразившейся в уезде. Фактически от оспы было необходимо прививать весь уезд. Используя исключительно собственные средства, И.М. Бер изготовил необходимое количество вакцины и лично ездил по деревням уезда, делая прививки жителям [РГАДА. Ф. 344. Оп. 1 Ч. 8. Кн. 643.].

Следующее серьезное испытание И.М. Беру пришлось пережить на должности каширского штаб-лекаря во время вторжения Наполеона в Россию. В 1812 г. на штаб-лекаря выпала ответственность обеспечения лечения и снабжения медикаментами всех офицеров и солдатских чинов, расквартированных в Кашире. По засвидетельствованию местного начальства, «в 1812 году Иван Бер пользовал в устроенном временном лазарете собственными медикаментами всех больных Тульского военного ополчения, пехотного и Конно-казацкого полков, находившихся под командованием генерал-майора Миллера, так же и проходивших тогда через Каширу в большом количестве разного звания военных чинов и уничтожал распространявшуюся в том 1812 и 1814 годах, как в городах Кашире, так и в уезде оног повальные на людях болезни» [ГАТО. Ф. 39 Оп. 2. Д. 235. Л. 22 Об.]. За «усердное пользование безо всякой платы собственными медикаментами» и за прививание предохранительной оспы И.М. Бер получил по окончании антинаполеоновской кампании «монаршее благоволение», а в 1817 г. – чин коллежского асессора и дворянство достоинство с внесением в III часть родословной книги Тульской губернии [там же]. Спустя три года, в 1820 г. «за ревность и усердие к службе» И. М. Бер был пожалован орденом святой Анны 3 степени.

Выйдя в отставку, он занял должность городского казначея и на этой должности приложил много усилий для реставрации обветшавших зданий Успенского собора Каширы и постройки новых корпусов. Вплоть до смерти в 1842 г. И.М. Бер занимался благоустройством собора, чем заслужил благодарную память горожан [Коченко В, Соколова Ж.А. 2006, 12; Соколова Ж.А., Казакова Н.И. 2006, 22; ГАТО. Ф. 3. Оп.4. Д. 6342; Оп. 4/18. Д. 573. Л. 1-12; Оп. 5/8. Д. 1870; Ф. 743. Оп. 1. Д. 2940].

Второй сын М.Г. Бера, Степан, продолжил купеческое дело отца: он с сыновьями торговал табаком местного производства, мукой, солью и овсом. Объявленный капитал в 8 040 рублей позволял ему числиться купцом 3 гильдии с уплатой годового взноса в казну в 381 руб. В 1823 г. С.М. Бер решил расширить бизнес, используя наиболее прибыльную в Ромнах сферу деятельности. Он с компаньонами подвизался подрядчиком по устройению гостиниц для «азиатских купцов», приезжавших на Ильинскую ярмарку [Курилов И.А. 1897, 109].

Третий сын, П.М. Бер, большую часть жизни (1805-1837) служил аптекарем Шереметевского Странноприимного дома в Москве [Тарасенков А.Т. 1860, 116; ЦИАМ. Ф. 208. Оп. 1. Дд. 30, 65, 186 и др.]. Он остался холостым и умер бездетным.

И.М. Бер имел трех сыновей и дочь, умершую незамужней. Старший сын Николай (1803-1878) пошел по стопам отца, окончив медицинский факультет Московского университета и став военным врачом. Второй сын, Борис (1805-1869), по окончании нравственно-политического отделения Московского университета по юридическому разряду служил в комиссиях и приобрел значительный правовой опыт. Младший сын, Дмитрий (1807-1830), окончив в 1829 г. медицинский факультет Московского университета, отправился в действующую армию ординатором госпиталя 2-й армии, участвующей в Русско-турецкой войне и погиб под Варной 10 апреля 1830 г.

С.М. Бер имел пятерых сыновей и дочь. Двое сыновей – Григорий (1794 –1824) и Степан (1799-1825) умерли при жизни отца. Первый – в Ромнах, второй – в Москве, будучи студентом Московского университета. Старший сын, Иван (1792- не ранее 1863), с рождения имел склонность к точным наукам. Окончив роменское народное училище, а затем московскую гимназию, он поступил в Ярославское Демидовское высших наук училище, а по окончании его – в Московский университет, окончив который, он стал преподавателем физики и математики. Георгий (1798 - не ранее 1889) окончил медицинский факультет Московского университета, получив степень

доктора медицины, после чего служил врачом в различных госпиталях и армейских частях. Младший сын, Семен (1806/1807 – не ранее 1846) стал родоначальником ветви московских мануфактурщиков. Можно сделать вывод, что увлеченность сыновей наукой и искусством медицины стала фатальной для дела их отца, так как они не смогли продолжить его дело. Ни один из сыновей не унаследовал отцовский, фактически – дедовский бизнес и домовладение. Есть основания полагать, что они достались людям, не имеющим на них формального права. Более того, уже через год после смерти отца, в 1839 г. значительную часть его собственности прибрали к рукам городские власти, так что Георгий Семенович Бер был вынужден затеять суд «против города Ромны за возмещение ущерба за принадлежащий его отцу фруктовый сад, на территории которого город построил 3 улицы» [ДАСО. Ф. 1153. Оп.1. Д. 1283. Л. 2]. Вместе с тем кардинальная смена сферы деятельности дала возможность четверым внукам Михаила Бера сделать карьеру на государственной службе.

Н.И. Бер был лекарем сначала в Сумском гусарском, а затем в Жандармском полках. С полками он принимал участие в боевых действиях – в Русско-турецкой войне 1828-1829 гг. и в подавлении Польского восстания 1831 г., получив чин коллежского асессора.

В начале 1830-х гг. Н.И. Бер лечил в Москве Надежду Михайловну Протасьеву и увлек девушку собой. Не получив благословения на брак, Надежда бежала с Николаем от родителей и поселилась в принадлежавших ей лично родовых имениях в Саратовской губернии. Вскоре Н.И. Бер решил оставить службу ради семейной жизни. Выйдя в отставку в 1836 г., он в октябре 1838 г. определился в канцелярию саратовского губернатора И.М. Бибикова и с января 1839 г. исправлял должность Саратовского окружного начальника государственных имуществ [ГАТО. Ф. 39 Оп. 2. Д. 235. Л.23]. В 1843 г. он стал неперменным членом Саратовского Приказа Общественного призрения, а на следующий год - членом Саратовского Попечительского комитета о тюрьмах. Отойдя от службы, Н.И. Бер поселился с женой в Быковке, где у них вскоре родились четверо сыновей: Михаил (1843), Николай (1844), Виктор (1845) и Анатолий (1847). В 1850 г. Н.И. Бер вышел в отставку в чине статского советника, прослужив остаток жизни на тех же должностях в благотворительных организациях.

В 1847 г. Н.И. Бер с тремя сыновьями был внесен в дворянскую родословную книгу Саратовской губернии в III часть [ГАРО. Ф. 98. Оп.77. Д.3. Л.7]. В 1851 г. Николай вместе с младшим братом Борисом получили утвержденный Нико-

лаем I дворянский герб, несущий изображение медведя, держащего в лапе две стрелы – символ заслуг родителя во время наполеоновской компании [РГИА. Архив Департамента Герольдии]. В 1861 г. Н.М. Бер получила в наследство от умершего в 1860 г. брата Федора Михайловича Протасьева имения при дер. Березовка и Дубовая Моршанского у. Тамбовской губ.; с. Строевского с дер. Глебовым, Любуцкой, Макеево, Сергиевка Сапожковского у. Рязанской губ.; селца Богородицкое, Подольского уезда Московской губ. [ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 3. Д. 2323. Л. 1, 3-6, 10, 11-12]. Всего на 1861 г. она владела: в Саратовской губ. 316 душ и 1920 дес., в Тамбовской – 186 душ, в Рязанской (селах Строевском, Хлебове, Макеево с деревнями) – 584 души, в Московской – 20 душ «и при них земли около 7000 десятин» [Грачева И.В. 2008]. Таким образом, в 1861 г. супруги Беры сосредоточили в собственности значительные земельные богатства, которые позволили обеспечить их детям благосостояние. В 1862 г. Н.И. Бер вместе с тремя старшими сыновьями были внесены в III часть дворянской родословной книги Рязанской губернии, закрепив свое право на землевладение в губернии [ГАРО. Ф. 98. Оп.77. Д.3. Л.9]. В 1864 г. туда же вносен его младший сын Анатолий.

Иначе сложилась судьба Б.И. Бера (1805-1869). В 1825 г. он вступил на службу в Канцелярию Общего собрания Московских Департаментов Сената, служа в различных ревизионных комиссиях. Как справедливо заметил нижегородский историк Макаров, «четыре года непрерывной работы в комиссиях позволили начинающему чиновнику заручиться благорасположением очень многих влиятельных лиц Сената: Бер регулярно получал крупные денежные награды, быстро продвигался по службе» [Макаров И.А. 2003, 85]. В 1832 г. его переводят на должность секретаря 6-го Департамента Сената, а 18 апреля 1835 г. он в чине коллежского асессора определен губернским прокурором в Нижний Новгород. Дослужившись в этой должности до чина коллежского советника и будучи внесен с женой и детьми в родословную книгу Нижегородской губернии [ЦАНО. Д. 6964; Ребровский Н.Д. 1902, 24], Б.И. Бер в 1843 г. вернулся в Петербург и поступил на службу в Департамент Министерства юстиции.

Первым браком он был женат на дочери тульского помещика Надежде Борисовне Абрамовой, владелице с. Охотниково (Охотники, Зачесловка тож) Веневского у. Тульской губ., умершей между 1836 и 1839 гг. Вторым браком он женится на дочери симбирского помещика Дмитрия Александровича Чиркова, Анне Дмитриевне Чирковой, владелице села Знаменского с деревнями в Ардатовском уезде Симбирской

губ. [РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 201. Л. 95-99]. Анна Дмитриевна скончалась в 1848 г., оставив на руках мужа семерых детей от двух браков [Мемуары Бориса Владимировича Бера. РГАЛИ. Ф.43. Оп.1. Д.104. Л.1,2,7; Мемуары Ольги Шеншиной]. Имена двух жен приносили значительно меньше дохода, нежели имена Протасьевых. Относительно скромные доходы и большая семья заставляли Б.И. Бера напряженно служить. В 1844 г. он получил чин статского советника и должность статс-секретаря Государственного совета, 6 декабря 1860 г. в чине тайного советника был назначен присутствующим сенатором по V Уголовному Департаменту и служил там до смерти в 1869 г. [Мурзанов Н.А. 1911, 8].

Гораздо скромнее выглядят служебные достижения сыновей С.М. Бера.

Старший, Иван Степанович (1792-не ранее 1863), окончив два средних учебных заведения – в Ромнах и в Москве, а затем Демидовское училище высших наук в Ярославле, в 1815 г. поступил в Московский университет на казенное содержание, закончил его в 1817 г. со степенью кандидата физико-математических наук и остался в заведении «по учебной части», с одновременным исключением из податного купеческого сословия. На протяжении большей части своей жизни, с 1817 по 1845 гг., И.С. Бер преподавал физику и арифметику в Екатерининском и Александровском училищах. Основной статьей его дохода [ЦИАМ. Ф.4. Оп. 11. Д. 148] был оклад преподавателя и регулярные единовременные выплаты за выслугу лет и успешные выпуски. Выйдя в отставку в 1845 г., И.С. Бер имел в Москве собственный деревянный дом, который оставался его единственной крупной собственностью. В 1825 г. он получил дворянское достоинство и был внесен в родословную книгу Московской губернии. Однако, рано овдовев (оставив после себя лишь одного сына) и не добившись в службе значительных должностей, И.С. Бер не стал родоначальником самостоятельной дворянской ветви.

Георгий Степанович Бер (1798-не ранее 1869) окончил Слободскую Украинскую гимназию, затем Харьковский университет [ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 116. Д. 255. Л. 4] и в 1819 г. поступил на медицинский факультет Московского университета, который окончил в 1824 г. со степенью доктора медицины. В 1825 г., по защите докторского сочинения, он был исключен из податного сословия, а в 1826 г. получил дворянское достоинство и внесен в III часть родословной книги Московской губернии [ДАСО. Ф. 993. Оп.1. Д. 86]. На протяжении 45 лет – с 1824 по 1869 гг., он служил лекарем в различных госпиталях и прочих медицинских заведениях, приписанных к Военному министерству. В 1846 г. он получил чин статского

советника [ДАСО. Ф. 1153. Оп.1. Д. 1283. Л. 149], в 1869 – действительного статского советника [Российский Медицинский Список за 1864-1889]. Основной статьей его дохода, как и старшего брата Ивана, был должностной оклад. В 1850-х гг. ему удалось получить материальную компенсацию от роменских городских властей (600 руб. серебром за незаконно присвоенный сад его отца Степана Михайловича).

О младшем брате, Семене Степановиче (1806/1807-не ранее 1846) известно, что с 1824 по 1830 гг. он учился на медицинском отделении Московского университета, окончив которое, был «исключен по указу Казенной платы в лекари» [ДАСО. Ф. 993. Оп. 1. Д. 86. Л.3.]. Он оставил после себя двоих сыновей, доживших до зрелого возраста.

При анализе жизненных путей сыновей Ивана и Степана Михайловичей Беров становятся очевидны некоторые закономерности. Прежде всего, дети Ивана Михайловича, строившие карьеру вне двух российских столиц, располагали именьями жен, в которых жили и имели с них определенный доход, который либо дополнял должностной оклад, либо мог служить его заменой. В то же время дети Степана Михайловича, строившие карьеру в Москве и Петербурге, не располагали крупной загородной недвижимостью. Брачная политика представителей двух ветвей являлась отражением их оформившегося социально-экономического статуса. Потомки Ивана Михайловича сочетались браком с представителями «выслуженного» дворянства, как правило, мелкопоместного. В то же время потомки Степана Михайловича женились на представительницах московского мещанского сословия.

Вероятно, эти экономические факторы определили размер семей потомков Ивана и Степана Михайловичей. Если первые оставили после себя 3 и 4 потомков мужского пола, то из пяти сыновей Степана Михайловича лишь двое оставили мужское потомство. Один – одного сына, другой – двоих.

Также очевидно, что именно сыновья И.М. Бера более преуспели в изменении социального статуса. Владение землей с крестьянами автоматически гарантировало им дворянское достоинство, которое было получено обоими сыновьями. Одним – в Нижегородской губернии, вторым – в Саратовской и Рязанской. В то же время из сыновей Степана Михайловича лишь двое получили дворянское звание в Московской губернии, оба – за службу, а не по факту наличия крупной недвижимой собственности.

Небезынтересно отметить также то, что некоторые из потомков С.М. Бера организовывали производство и торговлю в Москве, в то время

как потомки И.М. Бера посвятили себя исключительно гражданской либо военной государственной службе.

Интересно также проследить и культурную адаптацию потомков двух ветвей. Потомки И.М. Бера активно общались с культурной элитой России (Фет, Тропинин, Брюсов, Лансере, Бенуа) и связывали себя с этими семьями родственными узами (с Лансере), в то время как подобные браки и связи среди потомков С.М. Бера не зафиксированы.

При взаимодействии с новой социальной средой Беры выбрали вариант *ассимиляции*, то есть постепенного (в данном случае добровольного) принятия обычаев, верований и норм доминантной группы [Bochner S. 1982].

Социальную адаптацию рода к российским экономическим, общественным, правовым и культурным реалиям можно условно разделить на *два этапа*. Первый этап адаптации (1762-1810-е) – ведение образа жизни «городских немцев», предпринимательская активность. Вторым этапом адаптации (1810-е-1917 гг.) – отход подавляющего большинства мужчин рода от купеческо-мещанского образа жизни, нахождение их на государственной службе, встраивание рода в чиновничью структуру империи.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ИАЛ. Ф. 235. Оп.9. Д. 5 (церковь св. Петра).
2. ИАЛ. Ф. 1426. Оп. 1. Д. 295, 296, 300 (Домский собор).
3. ИАЛ. Ф. 1427. Оп. 1. Д. 2-3 (церковь св. Петра).
4. ЦДИАК. Ф. 204. Оп. 5. Д. 7068.
5. ЦДИАК. Ф. 801.
6. ЦДИАК. Ф.1755. Оп. 1. Д. 127.
7. ДАСО. Ф. 993. Оп.1. Д. 86.
8. ДАСО. Ф. 1153. Оп.1. Д. 1283.
9. РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 201.
10. РГИА. Ф. 1343. Оп. 6. Д. 1846.
11. ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 11. Дд. 27а. 148.
12. ЦИАМ. Ф. 208. Оп. 1. Дд. 30, 65. 186.
13. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 116. Д. 255; Оп. 119. Д. 273.
14. ГАРО. Ф. 98. Оп.77. Д.3.
15. ГАРО. Ф. 3. Оп.4. Д. 6342; Оп. 4/18. Д. 573; Оп. 5/8, Д. 1870;
16. ГАРО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 235.
17. ГАРО. Ф. 743. Оп. 1. Д. 2940.
18. ГАТамО. Ф. 161. Оп.1. Д. 7030.
19. ЦАНО. Ф. 639. Оп. 125. Д. 6964.
20. Мемуары Бориса Владимировича Бера. РГАЛИ. Ф.43. Оп.1. Д.104. (1921 г.).
21. Мемуары Ольги Шеншиной. Машинопись. Архив семьи Бер, Великобритания.
22. Военно-Медицинский журнал. СПб. №№ 13'1829; 15'1830 гг.
23. Курилов И.А. Роменская старина. Ромны. 1897.
24. Мурзанов Н.А. Правительствующий Сенат. СПб. 1911.
25. Ребровский Н.Д. Список дворянским родам, внесенным в дворянскую родословную книгу Нижегородс-

кой губернии и утвержденным в дворянском достоинстве. Нижний Новгород. 1902.

26. Российский Медицинский Список на 1809, 1815, 1864-1869 гг. СПб.
27. Савелов Л.М. Родословная книга дворянства Московской губернии. Т. 1. М. 1914.
28. Тарасенков А.Т. Историческое описание больницы Странноприимного дома графа Шереметева в Москве. М. 1860.
29. Brunstermann F. Die Geschichte der Kleinen oder St.Johannis – Gilde. Riga, 1902.

СОКРАЩЕНИЯ:

- ИАЛ – Исторический Архив Латвии. Рига.
 ЦДИАК – Центральный Государственный Исторический Архив Украины. Киев.
 ДАСО – Государственный Архив Сумской Области. Украина. Сумы.
 РГИА – Российский Государственный Исторический Архив. СПб.
 РГАЛИ – Российский Государственный Архив Литературы и Искусства. Москва.
 ЦИАМ – Центральный Исторический Архив Москвы.
 ГАРО – Государственный Архив Тульской Области.
 ГАТамО – Государственный Архив Тамбовской Области.
 ГАРО – Государственный Архив Рязанской Области.
 ЦАНО – Центральный Архив Нижегородской Области.
 ДДС – Дворянское Депутатское Собрание.
 ДРК – Дворянская Родословная Книга.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. // Вебер М. Избранные произведения. М. 1990.
2. Грачева И.В. «Черты давно поблекших лиц...». Герои портретов В.А. Тропинина. //Наука и Жизнь, 2'2008.
3. Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М. 2002.
4. Макаров И.А. Нижегородские прокуроры: 272 года на страже закона. НН. 2003.
5. Протоиерей Виталий Коценко, Соколова Ж.А. Успенский Кафедральный собор [Каширы]. М. 2006.
6. Соколова Ж.А., Казакова Н.И. Успенский собор. //Московский журнал. № 7, 2006.
7. Bochner, S. Cultures in contact: Studies in cross-cultural interaction. New York. 1982.
8. Furnham A. Bochner, S. Culture shock: Psychological reactions to unfamiliar environments. New York. 1986.
9. Oberg K. Cultural Shock: adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology, 7, 1960.